

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

ВАДА КИИТИРО

НА УКРАИНУ С ЕРОШЕНКО

(Продолжение. Начало в № 1 (11) за 2016 г.)

7

В тот вечер мы добрались до города Елец и остановились в грязной гостинице на окраине, обстановка в которой напоминала мне сцену из пьесы Максима Горького «На дне».

В комнате было две поломанные кровати, крепкий стол и два стула. Я сильно устал, и в горле пересохло, поэтому я попросил поскорее подать нам самовар. Хозяйка принесла нам кипящий самовар. У нее были кудрявые волосы, непривлекательное лицо, но нельзя было сказать, что она неприятна. Из дорожной сумки мы достали чай, колбасу, масло и сделали себе скромный ужин, заедая все сухарями. Мы сидели друг против друга и почти не разговаривали. У меня не было сил даже говорить. Мы оба были явно не в духе, Ерошенко сидел и тоже молчал. От нечего делать я сел у окна и стал смотреть на широкую степь.

Дорога, по которой мы только что шли, в сгустившихся ночных сумерках терялась где-то далеко темной полосой, и слышался звон дорожных колокольчиков – это крестьяне на телегах спешили к себе домой. Над водной гладью реки висела белесая дымка и на противоположном берегу ее смутно виднелись силуэты ив. Ни с того ни с сего я почувствовал, как меня охватывает грусть странника. Я оглянулся, чтобы посмотреть на Ерошенко – он сидел ровно, и в тусклом свете керосиновой лампы виднелась его прямая спина. В темноте своим облик он напоминал статую. Меня охватила щемящая душу тоска, и я стал для развлечения насвистывать, ни о чем не думая.

– Вада-сан, что-то скучно. Может, сходим на спектакль? – неожиданно обратился ко мне Ерошенко.

Поскольку я действительно обожаю театр, я тут же согласился.

– А что там показывают, ты знаешь? – спросил я. Когда и у кого успел он узнать про театр, я не мог тогда понять.

– «Майская ночь» Гоголя. Пойдем?

– Гоголь – это хорошо. Идем!

Мы даже не стали переодеваться и сразу вышли из гостиницы. По дороге Ерошенко мне воодушевленно рассказывал, что впервые он уехал с Украины, когда в детстве отец повез его в Москву, и они останавливались здесь и ходили тогда в театр¹.

У театра Ерошенко достал из кошелька деньги и дал мне, чтобы я купил билеты.

– Дай-ка мне два билета! – сказал я надменно билетерше. Тут же ко мне подошел Ерошенко.

– Постой! С женщиной нельзя так грубо разговаривать. Я сам возьму билеты.

¹ Когда Василию Ерошенко было 9 лет, его отвезли в Москву и отдали учиться в школу Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей под покровительством императрицы Марии Федоровны. Случилось это около 1899 года. Однако театр в Народном доме в г. Елец был открыт в 1912 г. Возможно, и ранее в городе действовал другой театр или театральная труппа. Как видно далее, летом 1922 г. идут спектакли украинского театра.

Он забрал у меня деньги и купил билеты.

– Вот еще новость! С женщинами не нужно церемониться!

Я, разумеется, осознал, что допустил оплошность, но меня задело его замечание, поэтому я ответил ему резко.

– В России другие обычаи, – отпарировал Ерошенко, рассердившись не на шутку.

В театре по темной лестнице мы поднялись на третий ярус, где самые дешевые места. В зале было полно зрителей, и чувствовалась неприятная духота помещения, полного людей. Стараясь не мешать другим, мы потихоньку прошли на свои места. Я посмотрел на сцену – там начиналось второе действие «Майской ночи». На сцене – молодой человек в простой украинской одежде, лицо которого изображает глубокие переживания, аккомпанируя на бандуре, поет о страстной любви. Рядом красивая девушка с грустью слушает его песню. Вскоре песня заканчивается, и парень зачарованно смотрит на свою любимую. Затем оба печально улыбаются. Девушка встает, подходит к парню, и крепко его целует. А в глубине сцены, в тени деревьев, стоит отец этого молодого человека и с изумлением наблюдает за ними. Увидев, что он смотрит на нее горящими от ревности глазами, она в испуге и отчаянии кричит:

– Твой отец тоже меня... меня любит! О боже, как мне теперь быть?

Молодой человек, услышав это, вскочил на ноги, с досады стал рвать на себе длинный чуб и, не находя себе места от горя, страдать.

Занавес тихо опускается. В зале светлеет, и зрители бурно аплодируют.

Когда Ерошенко, иногда невпопад, выкрикивал «Браво!», зрители на него шикали и смеялись над ним.

8

На следующее утро мы встали в десять и позавтракали. Потом вдвоем направились на рынок на окраине городка. Крестьяне из соседних деревень привозят сюда на продажу свой урожай: арбузы, яблоки, персики, помидоры. Грузные доверху большие телеги прибывают сюда десятками, и с них ведут бойкую торговлю. Я был поражен, какое все здесь дешевое. Яблоки, персики, помидоры продают за копейки большими ведрами с верхом. У нас была с собой большая корзина, и проворные торговцы пытались нам навязать свой товар. Мы купили целое ведро аппетитных красных помидоров и три арбуза величиной с лошадиную голову². Когда мы сложили все в корзину, и стали ее поднимать, оказалось, что она довольно тяжелая. Тогда мы повесили ее на шест и понесли корзину вдвоем.

– Ой, смотрите, китаец и слепой.... Слепой и китаец, – говорили бегущие за нами ребята, разглядывая меня с удивлением³.

– Здесь овощи и фрукты так дешёвы! – сказал я Ерошенко.

– Но на моей родине не у каждого есть деньги, чтобы их купить, – ответил он мне.

Вернувшись в гостиницу, мы сразу же разрезали арбуз. Середина была кроваво-красная, немного переспелая, потому и сам арбуз сладкий, как сахар.

В семь вечера мы снова вышли из гостиницы погулять по городу. В городе довольно много больших магазинов, и в витринах было выставлено множество самоваров. Когда я спросил об этом у Ерошенко, он сказал, что в России именно здесь делают больше всего самоваров и продают их недорого.

Далее из города мы пошли по пологой дороге, которая вела к реке. Здесь повсюду виднелись своеобразные русские церкви с колокольнями. И в одно мгновение все колокола зазвонили: казалось, что их музыкальный и таинственный перезвон разливался в спокойном и тихом вечернем небе, сливался в единый звук, производя необыкновенно глубокое впечатление.

² До войны здесь был местный сорт крупных сладких арбузов, который сейчас утрачен. Современные местные арбузы мелкие.

³ Здесь и далее японца принимают за странствующего торговца-китайца, которых называли «ходя».

– Вада-сан, даже такой атеист, как писатель Чехов, признавался, что перед величавым звоном вечерних колоколов невольно склоняешь голову, и приходишь в состояние религиозного благочестия⁴, – сказал Ерошенко проникновенно. И продолжил:

– Когда я был у вас, звон японских колоколов казался мне просто громким шумом. Он не вызывал никаких чувств.

Я был согласен с тем, что он сказал про Чехова, но второе его замечание о том, что от японских колоколов только шум и никакого впечатления, возмутило меня. Во-первых, этот человек после возвращения в Россию стал ужасным националистом, и мне не нравилось, что он только и говорит о национальной гордости славян. Я насмешливо улыбнулся и сказал:

– Ты знаешь, мне как-то не знакомы благоговейные чувства.

– А я не понимаю таких бесчувственных людей, как ты, – сказал сердито Ерошенко.

– Ну, ты же поэт и, в отличие от обычных людей, у тебя утонченное восприятие⁵. Поэтому, мне кажется, тебя могут приводить в восторг разные сентиментальные глупости. Мне же большее наслаждение доставляет звук ударов по наковальне в заводских цехах, чем звон церковных колоколов, – выразился я замысловато.

– Ты – грубиян, – сказал он и замолчал.

Но меня приучили думать и пользоваться своей головой. С какой стати после возвращения в Россию этот человек ругает Японию? Слепой ли ты поэт или гражданин мира, но тебя ведь радушно приняла японская молодежь, они приглашали тебя на лекции и собрания, слушали твои скучные речи, печатали в журналах твои бессмысленные детские сказки... А сейчас чем ты недоволен? Как же к тебе относились люди в Европе и Индии, где ты бродяжничал около шести лет? Как они тебя встречали? А в Накамура на Синдзюку тебе дали приют: два года тебя кормили, ты там ни в чем не испытывал нужды. Так ведь? Где еще найдешь столько таких любезных людей? Возможно, ты невзлюбил японских полицейских, которые тебя выдворили из Японии в последний раз. Но это же не мы так обошлись с тобой... Вот такие мысли приходили мне в голову.

– Вада-сан, послушай, – сказал он мне грустно. – Я славянин и у нас с тобой разные обычаи, традиции и даже природа. В любом случае, между нами есть точки, в которых мы не можем сойтись. Разве не так?

Его лицо стало задумчивым, и он продолжил:

– В Японии меня многие любили. Но мне всегда казалось, что между нами есть нечто, что нас разделяет – потому я не смог там найти близкого мне душой человека. Знал бы ты, как мне было там одиноко!

Эти слова, так сильно выразившие его горечь, глубоко проникли мне в душу и вызвали к нему сочувствие.

– Я тоже после приезда в Россию чувствовал себя, как и ты. Ведь эта страна так меня манила к себе! А сейчас я чувствую тоску и разочарование.

Мое откровенное признание его тут же растрогало, и он крепко сжал мою слабую руку.

– Ну что, пойдём в гостиницу? Или, может, снова сходим в театр?

⁴ По ряду воспоминаний, А.П. Чехов, действительно, любил слушать колокольный звон, особенно пасхальный. Например: «Люблю церковный звон. Это все, что у меня осталось от религии – не могу равнодушно слышать звон. Я вспоминаю свое детство, когда я с нянькой ходил к вечерне и утрене» (по З.Г. Морозовой). По воспоминаниям М. Чехова: «Бывало, он соберет целую компанию и отправляется с нею пешком на Каменный мост слушать пасхальный звон. Жадно выслушав его, он отправлялся бродить по церквам, из церкви в церковь...» или, со слов А.Л. Вишневого: «Скажите мне, Антон Павлович, отчего вы так любите колокольный звон и так много говорите о нем? Он помолчал, посмотрел вверх в густую желтую листву и сказал: – Это все, что у меня осталось от религии» (Львов-Рогачевский В. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. М.: Издательство В.В. Думнова, 1923).

⁵ В Японии Ерошенко называли поэтом из-за необычной внешности и, возможно, особой ритмической организации текстов его сказок, записанных на японском языке с голоса. Собственно строфических стихотворений известно сейчас всего четыре, все они написаны на эсперанто: «Notagano», «Malespera koro», «Antaŭdiro de la ciganino», «Lunkanto». Определение «слепой поэт Ерошенко», зародившись в 1920-х гг., в 1950–80-х гг. стало заглавием нескольких книг в Японии, а в Украине и России закрепилось, хотя и является в достаточной мере мифологизированным.

Полдень был в самом разгаре, и негде было укрыться от нещадно палящих лучей солнца. Спасаясь от жары, мы пошли к реке и улеглись на песчаном берегу. Ерошенко наслаждался на раскаленном солнцем песке.

– Вада-сан, давай искупаемся! Это же такое удовольствие! – предложил он мне, угоривая меня раздеться. Я стеснялся.

Я видел, что больше десятка мальчишек беззаботно плескались на мелководье, брызгая друг на друга водой, нарушая наш отдых своей возней. Невдалеке, на противоположном берегу, расположилась группа молодых крестьянских девушек. Стыдливо озираясь по сторонам, некоторые из них сняли одежду, показывая свои белые тела. Другие же ныряли, купаясь в реке. Немного ниже по реке, недалеко от девушек, были видны женщины, которые стирали белье, сидя на корточках.

Собственно говоря, я вырос в горной местности Синано⁶ и почти не знал, что такое купание в реке. К тому же после приезда в Россию у меня возникли проблемы с сердцем, поэтому мне было как-то не по себе, и купаться совсем не было желания. Созерцая этот необычайно беззаботный пейзаж, я достал из кармана папиросы и закурил. Тут ко мне подошел мужик, не стесняясь, протянул ко мне свою грязную руку и сказал:

– Угости табачком!

Это был бродяга, который только что смывал с себя грязь в реке. Я ему дал папиросу, он поблагодарил и поплелся назад к тому месту, где оставил одежду.

– А я пойду, искупаюсь, – сказал мне уже обнаженный Ерошенко и проворно бултыхнулся в реку.

Брызги воды попали мне на лицо и слегка намочили одежду. Пока я доставал полотенце и вытирался, на поверхности воды появилась его голова, и он захохотал. После этого он уверенно поплыл на середину реки. Как он, слепой, мог отважиться на такое? Откуда он может знать, где берег, где мелководье? А вдруг на середине реки он выдохнется, и что мне тогда делать? А если он, не дай Бог, утонет, то спросят с меня. И не только спросят, а еще и у меня будут проблемы, поскольку я путешествую за его счет. Он платит за все из своего кармана. Тут я закричал во все горло:

– Эй, послушай! Не заплывай так далеко! Это опасно. Вернись к берегу!

Крикнул ему раз, другой, на третий раз он наконец-то услышал. Услышать-то услышал, да никакого толку.

– Ничего! Все нормально! – крикнул он, продолжая спокойно и смело плыть дальше.

Я был просто ошеломлен. Раз до тебя не доходит, что друг беспокоится, поступай, как знаешь, – подумал я про себя и продолжил изучать местность. У нас говорят: «Слепой змеи не боится», – вот уж это точно про тебя...

Он вернулся назад лишь спустя некоторое время.

– Тебе не стоило так волноваться за меня! У нас в деревне я с детства купался в реке. Поэтому плаваю я хорошо, – сказал он уверенно и с гордостью, вытираясь полотенцем, и при этом весело рассмеялся.

– Понятно. Но давай на сегодня с купанием уже заканчивай, – осадил я его, а сам перевел взгляд на противоположный берег, где купались девушки.

– Представь себе, на том берегу купается много девушек. Такие пышнотелые красавицы!

– Ты тут только тем и занимался, что поглядывал на голых девушек, да? – сказал он равнодушно.

– Нет, конечно. Но ведь такого в Японии не увидишь, – сказал я, смеясь.

Ерошенко тем временем оделся и взял свою драгоценную трость.

– Ох, как пить хочется. Пошли в гостиницу, поедем арбуза.

Этот день мы провели с ним необычайно мирно и дружно.

⁶ Историческая область Японии в центре острова Хонсю. Соответствует современной префектуре Нагано.

Когда мы с ним оставались в грязной гостиничной комнате, мы обычно спорили, валяясь на кроватях. Чаще всего наш спор возникал по поводу несовпадений наших взглядов и мнений о пролетарской литературе. Когда Ерошенко увлеченно спорит, то у него краснеет лицо, и он постоянно отбрасывает назад свои длинные волнистые волосы.

По его мнению, пролетарскую литературу создают не обязательно писатели пролетарского происхождения. Если рабочий просто опишет свою реальную жизнь, которую он прожил, это нельзя тут же признать художественным произведением. Талантливый художник, независимо от своей классовой принадлежности, может изобразить жизнь любого общества. Для этого у него есть не только вдохновение, но и утонченное воображение. Поэтому нельзя признать правильным подход, принятый в Японии, когда писателя признают буржуазным или пролетарским, судя по доходам, которые он получает в зависимости от того, популярны ли его книги или нет. Точно так же, как если бы пролетарский писатель думал, что ему достаточно в своем произведении всего-навсего описать утонченными словами революционные события или восстание. Ни о каком искусстве тогда не может быть и речи. Это было бы не творчеством, а всего лишь игрой в революцию.

В некотором смысле я с ним согласен. Действительно, в русской литературе есть Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой. Все они выходцы из дворянско-помещичьей среды. Но в их произведениях вы не найдете ни похвал, ни слов в защиту своего сословия. Наоборот, они откровенно описывают жизнь своего общества, которое деградировало и разлагается, находится на краю гибели. И, с другой стороны, они призывают читателя обратить внимание на жизнь крепостных крестьян и прочей бедноты, кого они изображают в своих произведениях. Здесь в основном гуманистические идеи. То же можно сказать о таких пролетарских писателях, как Достоевский, Некрасов, Короленко, которых породил капиталистический общественно-экономический строй в России в середине XIX века. Все они решительно разоблачают пороки своего общества.

Разговор на эти темы разгорячил нас обоих, и мы спорили очень громко. Я думаю, что нас было слышно даже на улице.

Как только мы перестали спорить, мы услышали, как громко хлопнула входная дверь. Я поднялся и выглянул наружу – передо мной стоял служащий ВЧК⁷ с давно небритой физиономией, на голове у него была красная фуражка.

– Товарищи, предъявите ваши документы, – сказал он высокомерно, как это умеют государственные служащие, и вошел в комнату. Я ему предъявил свое удостоверение Коминтерна⁸. Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением, и какое-то время внимательно сравнивал мое лицо с фотографией в удостоверении. Его поведение изменилось прямо на глазах.

– Вы японский большевик? – спросил он учтиво.

– Нет, я монархист, – съязвил я.

– Бросьте ваши шуточки! – он громко рассмеялся и, повернувшись к Ерошенко, стал изучать его документы.

– Так... Ты прибыл из Китая⁹, значит. А у тебя...– служака несколько раз щелкнул по горлу пальцем и продолжил, – ну, это... есть?

– Водки нет, – ответил Ерошенко.

Услышав это, чиновник разочарованно взял папиросу со стола, прикурил ее и сказал:

⁷ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, действовавшая с 1917 г., уже была упразднена 6 февраля 1922 г. с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР.

⁸ Видимо, членский билет Коммунистического Интернационала (Коминтерна) – международной организации, объединявшей коммунистические партии разных стран, которая действовала с марта 1919 по май 1943 г. В ноябре–декабре 1922 г. в Москве состоялся Четвертый конгресс Коминтерна.

⁹ Ерошенко ехал на 14-й международный конгресс эсперантистов и на Второй конгресс слепых эсперантистов в Хельсинки как секретарь Пекинской эсперанто-лиги и делегат от нее же. Конгресс собрал 850 участников.

– Вы тут только что спорили: Тургенев – такой, Гоголь – сякой. А сами книжки-то их читали?

– В Японии я читал произведения почти всех известных русских писателей.

Мне подумалось, что этот служака с некоторых пор уже сидел в соседней комнате и, приложив ухо к стене, подслушивал споры странных для него двух типов.

– За 100 с чем-то километров от этого города есть Дом-музей Тургенева¹⁰. Съездите туда! – сказал он напоследок и удалился.

11

– Вада-сан, завтра утром уезжаем отсюда. Напоследок давай опять ходим сегодня вечером в театр. Я слышал, что сегодня там «Ревизор» Гоголя. Должно быть, интересно.

– «Ревизор» Гоголя? Это та самая известная вещь? Я еще в Японии читал это произведение. А когда приехал в Россию и узнал, что оно так популярно, я его еще раз перечитал. Мне оно нравится.

– Если мы сейчас выйдем, то как раз попадем вовремя. Пошли скорее! Сделаем себе подарок на память о Ельце, – сказал Ерошенко немного сентиментально и наощупь стал искать свой посох, который стоял в углу комнаты.

Этим вечером мы опять были в Народном театре на галерке, на самых дешевых местах. Такие места, что в Японии, что в России, – особой разницы нет. Это словно смотришь из самолета вниз¹¹ – все видится по-иному, выражения на лицах актеров, столь важного для зрителей, почти не видно¹². По правде говоря, когда Ерошенко покупает нам самые дешевые билеты в театр, я всегда чувствую себя довольно униженным. Хотя это не мои деньги, поэтому и жаловаться тут не приходится. Делать нечего, терпел же до этого и молча смотрел.

Но на этот раз, когда я смотрел на сцену, я совсем не мог бы понять, что там происходит, если бы не знал, что это «Ревизор» Гоголя. Во-первых, реплики актеров я не улавливал на слух. Я стал прислушиваться – да где уж мне тут понять?! Ведь актеры – украинцы и все играют на украинском языке. Ну, хорошо, можно и не понимать того, что говорят актеры, но хотелось бы видеть хотя бы выражение их лиц, тогда можно было бы получить какое-то удовольствие от актерской игры. А когда видишь только головы, а не лица актеров, то лично для меня – это просто невыносимая мука. Что касается Ерошенко, то это его родной язык, ему все понятно, его игра артистов полностью захватывала, и он даже иногда выкрикивал: «Браво!»

– Ты знаешь, мне тут совсем не интересно. Может быть, можно пересесть на места по лучше? – спросил я, когда у меня лопнуло терпение.

Не обращая особого внимания на мои слова, он произнес:

– Нельзя же быть таким привередливым!

Это было сказано в укор мне и равнодушно: ведь он был полностью поглощен спектаклем.

На это я ответил:

– Тогда я пойду.

– Да погоди ты! – попытался он остановить меня.

Дальше я высказался, не сдерживая злости. По-русски это называется издевательством над человеком. Я волновался, поэтому сказал по-японски:

¹⁰ Вероятно, речь идет об имении матери Тургенева Спасское-Лутовиново, Мценский район Орловской области в 200 км от Ельца.

¹¹ Очевидно, Вада Киитиро, как минимум, до 1930-го г. – времени публикации этих записок в Японии – уже летал на самолете, что тогда было редкостью и свидетельствует о его особом положении в обществе. Но и Борис Пильняк в 1926 г., будучи в Японии, летал на двухместном самолете, принадлежащем газете «Асахи», из Токио в Осака (см. «Корни японского солнца», М., 1927). Пилот Пильняка Осима Сузо разбился вместе с самолетом девять месяцев спустя, в декабре 1926 г.

¹² Здание Народного дома в Ельце – и сейчас театр, как уверяют, «в прекрасном историческом здании... с уютным красивым залом на 220 мест, замечательной акустикой. Слышно каждое слово актера, видно каждое движение его рук, губ, глаз, души»...

– Ты слепой и тебе достаточно, что ты слышишь игру актеров. Сиди ты хоть в партере на лучшем месте, хоть на дешевой галерке – тебе нет никакой разницы! А мне на галерке с третьего яруса видны только головы артистов. Мне это ничуть не интересно!

Сосредоточив свой слух на словесной части игры актеров, он повторил почти то же самое, равнодушно и по-прежнему холодно:

– Тебе все мало, тебе никак не угодишь.

– Может, будет лучше, и ты будешь доволен, если я тебе верну деньги? – выпалил я возмущенно, с трудом сдерживая свое раздражение.

Спектакль закончился, я вышел из театра, посмотрел на небо, усеянное серебряными звездами, вдохнул свежего воздуха, и мне стало смешно. Забыв о своей обиде, я сказал:

– Мы, в конце концов, оба с тобой взрослые люди, так? Я – зрячий, но я не понимаю украинского языка. Ты – слепой, поэтому ничего не видишь вокруг. Но ведь у каждого из нас есть свои плюсы и минусы.

12

На следующее утро мы попрощались с городом Елец и наконец-то отправились к намеченной цели на поезде «Максим Горький»¹³. В Японии в таких вагонах перевозят лошадей и коров, а здесь такому составу присвоили имя писателя Горького.

Часов десять мы ехали сквозь бесцветные, бескрайние, пустынные степи, которые своей дикостью напоминали сибирские просторы, и, наконец, подъехали к границе с Украиной. Пейзаж стал совершенно другим – кругом все было красиво: маленькие зеленые холмы и речки, очаровательные, будто нарисованные картинки. А на спокойных равнинах, раскинувшихся среди этих холмов и рек, виднелись там и сям радующие глаз крестьянские хаты – все было наполнено светом южных краев. Повсюду были видны ветряные мельницы, напоминающие голландские. Они безмятежно вращали свои лопасти. А на горизонте, где оканчивается широкая равнина, виднелось огромное скопление летних грозных облаков, которые медленно перемещались, напоминая собой чудовищ.

– Посмотри! Мы уже на Украине. Когда же мы приедем в твою деревню?

– Завтра утром, – сказал Ерошенко из-под одеяла и повернулся на другой бок.

Вместе с нами в этом грузовом вагоне было полтора десятка крестьян со своими юными дочерьми и малыми детьми. У них были брезентовые мешки, набитые грязными рубахами и пеленками. В этих же мешках у них был ржаной хлеб и сало, которыми они питались. Они напоминали животных: ели арбузы и заедали их хлебом, забрасывая его кусками в рот. Неприятно было на это смотреть. А девушки украдкой разглядывали нас с Ерошенко и пересмеивались между собой, когда с особым любопытством смотрели на меня, как на что-то диковинное.

– Смотри, смотри, китаец... – говорили они.

О чем они говорили, я не мог понять, потому что это был местный диалект. Но слово «китаец» я смог уловить, и меня немного беспокоило то, что они перемывали мне кости только оттого, что я был для них чужаком.

Через некоторое время наш поезд прибыл на какую-то станцию, где продавали множество яблок, арбузов, яиц и сала. Я сошел с поезда и направился в сторону продавцов. Одна крестьянка, кто, видимо, живет тут неподалеку, с огромной корзиной, полной товаров, настойчиво предлагала мне купить что-нибудь у нее.

Стоит поезду прибыть на вокзал, как крестьяне из ближайших хуторов стекаются на базар, чтобы продать продукты, выращенные в своем хозяйстве. Среди продавцов были и

¹³ «Единственный отправляющийся на юг поезд «Максим Горький» действительно оказался настоящим «пролетарским» поездом с вагонами исключительно четвертого класса», – писала Александра Толстая в повести «Дочь». «Поезд, называемый местным населением в насмешку «Максим Горький», шел медленно, облепленный со всех сторон и даже на крышах вагонов многочисленными людьми. Он останавливался подолгу не только на промежуточных станциях, но и в чистом поле и среди леса», – Анатолий Мордвинов, «Из пережитого».

такие «ловкачи», которые продавали за копейки самые разнообразные букетики полевых цветов, названий которых даже они сами не знали. Девушки и молодые парни покупали эти букетики и прикрепляли их себе на грудь и, взявшись за руки, прогуливались во время стоянки поезда. Иногда некоторые из них уходили далеко от платформы и, пока они веселились, поезд, выпустив клубы дыма, трогался и, к сожалению, молодые люди отставали.

Представьте себе: девушка, которая минуту назад была жизнерадостной, стоит и рыдает навзрыд. Но сколько слез не лей, поезд уже ушел. Парень ее утешает, говорит, что даст телеграмму, чтобы их багаж выгрузили на следующей станции. Такие трагикомедии действительно разыгрываются почти на каждой станции.

Я купил у крестьянки яиц и тут же вернулся в вагон. И мы с Ерошенко с удовольствием выпили свежие яйца, чтобы хоть немного снять усталость от поездки в поезде.

Вечером того же дня мы прибыли на маленькую станцию Старый Оскол, километрах в восьми от родной деревни Ерошенко¹⁴. Мы остановились в ночлежке недалеко от станции. Я лег спать, но меня атаковала туча комаров, и я никак не мог заснуть. Я посмотрел на Ерошенко – он мирно спал рядом в лунном свете, проникающем через окно. Наконец завтра он сможет увидеться со своими родителями, братьями и сестрами, ступив на родную землю спустя восемь лет. Я представил его лицо, светящееся от радости встречи с родными. Хотя он мне не родня, но я представил себе все это очень живо: в голове поплыли воспоминания о родине, и я никак не мог заснуть. Я поднялся и посмотрел на улицу. Перед тем как лечь, Ерошенко рассказал мне о своей родной деревне и у меня перед глазами возникли тускло освещенные силуэты хат, которые превращались в красные точки в лунном свете, окутывающем все вокруг. Мне стало грустно.

13

Со станции Старый Оскол мы отправились до рассвета и в восемь утра прибыли на родину Ерошенко, в село Городище¹⁵. В селе было не больше полусотни дворов, а за ним простирались холмы, покрытые соснами.

За околицей течет река, по берегам которой – заросли ив, а в воде стоят коровы и плавают стаи гусей. За рекой вдаль виднеются бескрайние ржаные поля до самого горизонта. И над этими широкими полями еще висит густой утренний туман. На околице села мы встретили крестьянина на телеге, доверху нагруженной сеном.

– Доброе утро, – сказал он, с удивлением разглядывая нас. Особенно внимательно он смотрел на Ерошенко, который был в черной рубашке, в соломенной шляпе на голове и с посохом в руках.

Но когда крестьянин проехал мимо нас еще на несколько метров вперед, он громко окликнул:

– Василий, это ты?

– Да, а ты кто?

– Ермолаев я! – ответил он и подбежал к нам.

Тепло пожав его руку, он сказал:

– Боже мой! Бедолага ты наш! Сколько лет уж не виделись! А деревня-то наша не та, что раньше. Дом ваш сгорел...¹⁶

¹⁴ «Родная деревня В.Я. Ерошенко» – слобода Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии – находится примерно в 20 километрах от Старого Оскола, а ближайшая к Обуховке железнодорожная станция – Голофеевка.

¹⁵ Не совсем понятно, почему здесь и далее названо с. Городище. Либо это ошибка японского автора, либо связано с тем, что дом семьи Ерошенко в Обуховке сгорел незадолго до описанных событий. Это соседнее с Обуховкой село, в то время – Шаталовской волости Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Однако и первый исследователь жизни и творчества В.Я. Ерошенко Владимир Рогов также искал его в 1958 г. в с. Городище, что свидетельствует о его вероятном знании текста Вада Киитиро.

¹⁶ Давно известно, что дом в Обуховке, где была мелочная лавка Якова Ерошенко, сгорел в 1920-х гг. Очевидно, это был поджог. Тогда пострадал отец, получив сильные ожоги, и остался жив только благодаря народному лечению – пролежал 40 дней в погребке. Теперь можно несколько уточнить даты, опираясь на публикуемый ранний источник.

– А здоровы ли отец с матерью?

– Здоровы, не беспокойся. Но постарели оба. Иди же скорей, ну, а я вечером подъеду. Крестьянин подозвал хорошенького парнишку лет четырнадцати и приказал:

– Василий приехал, проводи его.

Этот старик, мужик-правдолюб, в молодости был слугой в доме Ерошенко. Женился, работу в доме Ерошенко оставил, а сейчас сам крестьянствует.

Парнишка, который сопровождал нас, бежал впереди, а селяне, глядя с удивлением, встречали нас, стоя у своих домов.

Вскоре впереди показался маленький убогий дом. Из него навстречу стрелой выбежала молодая девушка и с лёту обняла Ерошенко.

– Боже! Василий!..

– Господи! Нина!.. Какая ты большая!..¹⁷

Для них двоих время словно остановилось: они стояли и молча целовались.

Младшая сестра, не мешкая более, проводила нас до двери, у которой стояла пожилая мать Ерошенко, дрожа от волнения¹⁸.

– Господи! Василий!..

– Мама!..

Мать и сын, не видевшие друг друга восемь лет¹⁹, молча долго целовались, и слова им были не нужны. Из глаз матери крупные слезы текли ручьем. Я стоял рядом и тоже расчувствовался. Все восемь лет этот слепой пробыл в дальних странах, скитаясь по свету. Можно было понять состояние Ерошенко в тот миг, когда его, как младенца, наконец-то спустя столько лет обнимает родная мать. А какова была радость матери, когда она вдруг увидела, что ее уже взрослый сын вернулся живым? Вернулся тот, кого она, разумеется, любила и жалела больше всех, как могут любить и жалеть только родного увечного ребенка, которого давно проводили из дома, о котором так болело сердце матери в неведении о том, где он и что с ним: мокнет ли он под дождем или стынет под холодным ветром.

А я один стоял в растерянности: на меня вдруг нахлынули воспоминания о моей родине.

– Большое вам спасибо, что вы позаботились о слепом и привезли его к нам, – обратилась ко мне мама, чтобы выразить свою сердечную благодарность.

Окончание следует.

Перевод с японского – Сергея Аникеева, примечания – Юлии Патлань.

¹⁷ Ерошенко Антонина Яковлевна (4.08.1902 – после 1980?) – самая младшая из выживших детей в семье, в замужестве – Андриевская. Василий расстался с сестрой, когда она была 12-летней девочкой, и встретил 20-летнюю девушку.

¹⁸ Ерошенко (Ерошенкова, в девичестве – Семькина) Евдокия Васильевна, мещанка уездного города Старый Оскол, родилась около 1866 г., умерла, по воспоминаниям, летом 1942 г., когда в Старый Оскол вошли немцы. В 1922 г. ей около 56 лет.

¹⁹ Василий Ерошенко вернулся домой впервые со своего отъезда в Японию весной 1914 г. – то есть до Первой мировой войны и двух революций 1917 г.